

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Б. ТЭЙЛОР. *Первобытная культура.* Перевод с английского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. К. Никольского. Соцэкгиз, Москва, 1939 г., 566 стр., тираж 28 000, цена 12 руб.

В истории общественной мысли XIX в. Эдуард Тэйлор занимает почетное место. Он первый поставил изучение религии на твердую почву фактов, показав возникновение и развитие политеистических и монотеистических идей из анимистических воззрений первобытного дикаря. Он пытался дать научную характеристику примитивного мышления и верований, изучив, рассмотрев и проанализировав многообразные формы анимистических представлений; с фактами в руках Тэйлор отстаивал теорию прогресса, с фактами в руках он опрокинул идею деградации и регресса отсталых народов, он убедительно защищал теорию единства человеческого рода и идею единства человеческого мышления, начиная от самых примитивных племен и до современного европейца. Смешно было бы превращать Тэйлора в марксиста, искать у него материалистические взгляды на общество или диалектическое понимание процессов развития. Ни один советский читатель не подпишется под его рассуждениями о причинах исторического прогресса, не согласится с его объяснением возникновения анимистических идей. Однако труды Тэйлора в такой степени насыщены фактическим материалом, меткими сопоставлениями, глубокими наблюдениями, с таким остроумием и проницательностью в них показаны пережитки грубейших сусверий в капиталистической цивилизации, с таким мастерством выведены «священные» образы высших религий из нелепых заблуждений дикаря, что многие страницы его трудов до сих пор не потеряли научной и политической актуальности. В своей «Первобытной культуре» Тэйлор собрал и исследовал огромное количество фактов, характеризующих мировоззрение и идеологию первобытного человека. Религиозные представления, мифология, обряды и церемонии, язык полу чили в его труде разностороннее освещение. Фактический материал, которым оперирует Тэйлор, поистине огромен. Он собирался десятилетиями напряженного труда. Тут и донесения путешественников XVI—XVIII вв., сообщения этнографов XIX в., античные и христианские писатели, средневековые хроники и многое другое. Все это использовано как источник для показа единства человеческой психики, для демонстрации окаменелых пережитков старины, для обоснования теории прогресса общества на пути от дикого состояния к цивилизации.

Характеристика первобытной религии, которую дал Тэйлор, до сих пор сохраняет свое научное значение. По мнению Тэйлора, в основе первобытной религии лежит вера в духов (анимизм), составляющая универсальную систему представлений первобытного человека и лежащая в основе всех так наз. «высших религий». Можно не соглашаться с Тэйлором в его объяснении происхождения анимизма, можно опаривать тэйлоровский взгляд на анимизм как на самые первые религиозные представления человека, можно, наконец, иначе трактовать содержание ранних форм анимизма, но нельзя сомневаться в том, что анимизм—универсальная форма религии родового общества, что именно из анимизма выросли все религиозные и древние философские идеалистические системы, что нет религии без анимизма, что, наконец, не кто иной как Тэйлор блестяще обосновал и развил эти положения и что

поэтому его «Первобытная культура» и поныне сохраняет свое научное значение и стоит выше большинства работ по истории религии, вышедших из-под пера буржуазных писателей. Наконец, в «Первобытной культуре» Тэйлор выступает создателем новой мифологической школы, так наз. антропологической школы, которая сокрушила теорию Макса Мюллера с ее надуманными астральными истолкованиями мифов. Если учесть еще, что труды Тэйлора знаменуют целый этап в развитии прогрессивного течения буржуазной мысли, целую главу в истории науки, что, следовательно, Тэйлор является *классиком*, знакомство с которым необходимо для широких кругов советской интеллигенции, то нужно признать, что Соцэкгиз вполне своевременно приступил к переизданию его трудов.

К сожалению, в рецензируемом объемистом, прекрасно изданном и оформленном томе, озаглавленном «Первобытная культура», читатель не найдет приобретшего всемирную известность труда Тэйлора, выдержавшего под тем же названием несколько английских и два русских издания (1873 и 1897 гг.).

Под общим заголовком «Первобытная культура» Соцэкгизом издана произвольная и неорганичная смесь из двух трудов Тэйлора: «Первобытная культура» и «Антропология». Сама идея соединения «Первобытной культуры» с «Антропологией» кажется нам малоудачной. «Первобытная культура» — классическое и научное исследование, до сих пор сохранившее свое значение; «Антропология» — труд, ставивший своей задачей популяризацию знаний, труд к тому же *безнадёжно и целиком устаревший*. Поэтому соединение их в одну книгу едва ли целесообразно. К сожалению, в рецензируемом издании это соединение сделано весьма топорно: редактор издания не счел нужным ни одно из этих произведений дать в полном виде и в композиции самого автора. Совершенно произвольно редактор соединил семь глав «Антропологии» (гл. V—XI рецензируемого издания) с пятнадцатью главами «Первобытной культуры» (гл. I—IV, XII—XXII рецензируемого издания), не указав, откуда взята какая глава, скрыв¹ также от читателя, что из подлинной «Первобытной культуры» им опущены четыре главы и авторское предисловие (гл. V—VI — Эмоциональный и имитативный язык, гл. VII — Искусство счисления, гл. XIX — Заключение). Не счел нужным редактор оговорить, что архитектоника издания целиком принадлежит ему, а не Тэйлору, и что главы скомпонованы в соответствии со взглядами редактора, а не автора. Например, в изданной Соцэкгизом «Первобытной культуре» не оказалось ни одной строчки, посвященной языку первобытного человека, которому в «Первобытной культуре» Тэйлора уделено много места. Редактор не счел необходимым оговорить, какая именно «часть устарелых рассуждений и фактов (!) опущена». (Предисловие редактора, стр. XXX.) Оставив на совести редактора столь странное понятие, как «устаревшие факты», отметим, однако, что для истории науки никакие рассуждения не могут устареть. Тэйлора, так же как Демокрита и Анаксагора, Канта и Гегеля, Гельвеция и Гольбаха, приходится брать таким, каким он был. Выбрасывать «устаревшие», т. е., очевидно, не соответствующие нашему мировоззрению, рассуждения — значит проявить полнейшее неуважение к истории и культуре.

Количество купюр столь велико, и они столь пространны и произвольны, что рецензируемое издание местами больше напоминает хрестоматию из Тэйлора, чем переиздание его трудов.

Беда еще, однако, в том, что редактор воспользовался неоговоренными купюрами для того, чтобы выбросить из текста трудные для понимания или для перевода места. Вот один — впрочем, крайне показательный — пример. На стр. 269 рецензируемого издания Тэйлор весьма пространно, не в очень четких выражениях, но достаточно разумительно высказывает мысль о том, что невозможно построить какую-либо логическую классификацию первобытных понятий о душе. Все теологические классификации духов и душ кажутся ему несовместимыми с научным мышлением. «Достаточно будет

¹ В предисловии (стр. XXIX) значится: «В настоящем издании помещена именно та часть трудов Тейлора, которая поныне сохранила свое значение, т. е. „Первобытная культура“ и семь глав из „Антропологии“».

указать,—говорит Тэйлор,—что подобные умозрения восходят до (перевод!—А. З.) первобытного состояния и что в них встречается многое, что по своему научному значению не уступает представлениям, пользующимся большим уважением и в области высокой культуры» (стр. 269). На этом месте В. К. Никольский обрывает Тэйлора, опуская без всяких оговорок не менее полустраницы подлинного текста, но зато снабжает текст следующим примечанием: «Это замечание является очередным реверансом половинчатого антиклерикала перед религией. На самом же деле одинаково *антинаучны* и «подобные умозрения» и религиозные представления, «пользующиеся большим уважением и в области более высокой культуры» (стр. 269, прим. 5).

Выговор строгий—что и говорить. Однако посмотрим, в чем собственно провинился Тэйлор. Та же цитата в нормальном переводе и в неурезанном виде выглядит следующим образом: «Достаточно будет указать, что подобные умозрения (т. е. теологические классификации душ.—А. З.) восходят к первобытному состоянию рода человеческого, где занимают положение, полностью сравнимое по своей научной ценности (scientific value) с представлениями, снискавшими себе уважение и в области высокой культуры. Было бы трудно выдержать подобную классификацию на скольконибудь прочном логическом базисе» и т. д. Не будем приводить всего дальнейшего текста, ибо первая же опущенная редактором фраза разъясняет мысль Тэйлора, мотивирующего невозможность научной классификации религиозных понятий типа «дух», «душа», «жизнь» и т. д. Поэтому Тэйлор и не классифицирует их, считая, что «подробности относительно действия и характера духов, душ и провидений сами по себе определяют точный смысл, в которых эти слова употребляются» («Primitive Culture», L., 1871, I, 393). Мысль Тэйлора ясна: все теологические классификации духов и душ восходят к самому первобытному состоянию человечества, т. е. научно несостоятельны и не могут быть выражены в логических категориях. Примитивные классификации имеют не меньшую научную ценность, чем многие представления, свойственные людям высокой культуры, но... и тут начинается нечто, редактору издания решительно непонятное,—это говорит не столько за религиозные классификации, сколько *против* представлений, «снискавших себе уважение» в области «высокой культуры». Scientific value—звучит в изложении Тэйлора слегка иронически, ибо это совсем не «реверанс половинчатого антиклерикала перед религией», а очень осторожная позитивистическая критика косности и предрассудков «высокой культуры».

Очевидно, редактор не вполне понял комментируемый им текст, совершенно напрасно выбросил целый абзац и уже, конечно, невпопад обрушился на Тэйлора в своем примечании. Досадно, что этот пример далеко не единичен. Досадно также, что редактор не только не стремился как можно точнее передать своеобразную, столь характерную для английского позитивизма терминологию Тэйлора, но совершенно сознательно модернизировал ее. Вместо «цивилизация» он проставил всюду «культура», вместо «дикие расы»—«первобытное состояние» и т. д., что в ряде мест повело к искажению и извращению мысли Тэйлора.

Совершенно напрасно редактор вынес примечания, находившиеся у Тэйлора под страницей, в конец книги, затруднив, таким образом, пользование ими. Жаль, что к изданию «Первобытной культуры» не приложены не появившиеся в русском переводе позднейшие статьи Тэйлора в защиту анимизма, по вопросам социальных отношений и материальной культуры, которые в гораздо большей степени сохранили свое значение, чем совершенно устаревшие главы из «Антропологии».

Не служит к украшению рецензируемого издания предисловие В. К. Никольского. Его первая часть «Начатки науки о первобытном обществе и его культуре», имеющая своей задачей познакомить читателя с состоянием науки о первобытности до Тэйлора, совершенно не достигает цели. На 12 страницах перед читателем проносятся целый калейдоскоп беспорядочно нагроможденных имен, из числа которых добрая половина никакого значения в истории науки о первобытности не имеет (таковы, например, заслуженно забытые Мопертюи, Дампье, Ташар, Галлинео). Зато отсутствуют Лаонтан, Добрицхофер, Крашенинников, Миллар, Притчард, на труды которых Тэйлор по-

стоянно ссылается, и ряд других путешественников и писателей, действительно оказавших глубокое влияние на развитие науки.

Чрезвычайно неприятное впечатление производит заявление В. К. Никольского, что «археология—вспомогательная дисциплина» (стр. IV). Легенда о том, что археология не наука, а «вспомогательная дисциплина», настолько полно разоблачена в нашей литературе, что, читая подобные заявления, можно только удивляться. Второй раздел предисловия—«Жизнь и деятельность Тэйлора»—еще слабее первого. Весь этот отдел читателю ничего не дает по сравнению с известной работой Д. Н. Анучина «Э. Б. Тэйлор» («Русск. антрополог. журнал», 1916, 3/4). Автор предисловия, видимо, незнаком с объемистой монографией R. M a r e t t, Tylor (London, 1936), из которой можно почерпнуть немало новых сведений о жизни и деятельности Тэйлора. В третьей части предисловия, претенциозно озаглавленной «Живое и отжившее у Тэйлора», автор поставил своей задачей показать место Тэйлора в истории науки о первобытном обществе. Но В. К. Никольский склонен иной раз оценивать взгляды Тэйлора с точки зрения сегодняшнего дня. Он упрекает его в «явной поповщине» (стр. XXIV), после чего остается непонятным, почему же—как заявляет сам В. К. Никольский—богословская апологетика резко отрицательно относится к Тэйлору (стр. XXVI).

Заблуждается В. К. Никольский, утверждая, что «Тэйлор даже после работ Л. Моргана оставался в плену патриархальной теории» (стр. XX) и что «та часть литературного наследства, которая относится к происхождению общества и развитию общественного строя, ныне потеряла всякое значение» (стр. XXI). Целую страницу заполняет В. К. Никольский обличением Тэйлора в приверженности к патриархальной теории, ссылаясь в качестве доказательства на статью Тэйлора от 1873 г. Между тем, основная работа Моргана «Древнее общество» вышла в 1877 г. Поэтому цитаты из статьи Тэйлора от 1873 г. едва ли убедят кого-либо в том, что Тэйлор не отказался от патриархальной теории и после работ Моргана. Читатель, вероятно, удивится, узнав также, что много лет спустя, в 1889 г., Тэйлор издал нашумевшую работу «О методе исследования развития институтов» («Journal of the Royal Anthropolog. Inst.», 1888, XVIII, 245—272), переведенную, кстати сказать, на русский язык («Этн. обозрение», 1890, кн. V, стр. 2—31), в которой он категорически высказался за матриархальную теорию. Более того, в 1896 г. он опубликовал статью «The Matriarchal Family System» («Nineteenth Century», XL, 1896, 81—96), принадлежащую к числу самых замечательных исследований проблемы матриархата. До сих пор эта работа не потеряла научного значения и заслуженно рассматривается как классическая. И, конечно, не случайно, современные представители патриархальной теории (например, Лоуи) обрушивают свою критику именно на этот труд Тэйлора. Было бы полезно для наших читателей, если бы эти напечатанные в малодоступных изданиях статьи Тэйлора в качестве приложения были даны к русскому переводу. К сожалению, вместо этого редактор предпочел нагромоздить целую страницу рассуждений о приверженности Тэйлора к патриархальной теории, не только расписавшись в своем незнакомстве с предметом, но и совершенно дезориентировав читателя.

Чрезвычайно досадно, что к книге не приложен список трудов Тэйлора и указаний на литературу о нем, что отнюдь не безынтересно для читателя. Мало пользы приносят примечания к тексту, совершенно случайно подобранные, а подчас и ненаучно составленные. Так, в примечании на стр. 33 выдается за непреложную истину нелепая гипотеза Мэкмилаана Броуна о «геологической катастрофе» и «варварской деспотии» на о. Пасхи. Неизвестно, почему корробори—«тотемическое празднество» (стр. 128). Всякая пляска, отнюдь даже не тотемическая, называется в Австралии корробори. Совершенно отсутствуют примечания к главе V (заимствованной из «Антропологии»), где буквально каждая вторая фраза устарела, и следовательно, как раз и требует комментариев. Поистине удивительны некоторые подписи под рисунками. Например, на стр. 110, рис. 29 подписан: «Соколиная охота с загонем у индейцев-ирокезов». Разумеется, никогда никакой соколиной охоты у ирокезов не было и быть не могло. Ничего похожего на соколиную охоту на рисунке нет, там просто изображена загонная

охота на оленей. Возможно, что в немецкой книге, откуда заимствован рисунок, вместо «Fallenjagd» (охота с ловушками) напечатано по ошибке «Falkenjagd» (соколиная охота). Но ведь редактор должен был подумать и о содержании рисунка. На стр. 113 мы находим не менее таинственную подпись: «Откидной(?) гарпун эскимосов». На стр. 225 (рис. 87) таитянский бог Тангароа приписан новозеландцам. На стр. 239, под рис. 88, представляющим, очевидно, какую-то средневековую фреску, лаконично значится: «Дикая охота» — без всяких пояснений. Особенно «оригинальна» подпись на стр. 96 под рис. 16: «Каменный топор, просверленный для *орукояченья*» (1).

В результате приходится прийти к заключению, что хотя и в настоящем весьма несовершенном виде переиздание Тэйлора вследствие обилия содержащегося в этой книге фактического материала по первобытной религии принесет несомненную пользу и может быть использована как для самообразования, так и для вузов, все же советский читатель вправе требовать от Соцэкгиза более культурного переиздания классиков;

А. Золотарев

Н. А. МАШКИН, *История древнего Рима* (Краткое пособие к университетскому курсу). Издание Заочного отделения МИФЛИ, Москва, 1939, 111 стр.

Несмотря на то, что за последние годы у нас выходили пособия по древней истории для вузов («История древнего мира», ГАИМК, т. I: «Древний Восток», т. II: «Древняя Греция»; В. С. Сергеев, *Очерки по истории древнего Рима*), отнюдь нельзя сказать, чтобы не было нужды в новых работах в этой области. Прежде всего нужно отметить, что отсутствуют еще хорошие учебники для вузов по тому или иному разделу истории древнего мира, которые давали бы в живом, но строго научном изложении необходимый материал студентам исторических факультетов. Очень важно было бы иметь и несколько курсов более специального характера, которые позволяли бы читателю ориентироваться в проблемах истории отдельных стран или периодов, знакомили бы его с постановкой и решением этих проблем в современной историографии, с состоянием разработки источников, например по истории отдельных стран древнего Востока, по крито-микенской эпохе, по истории эллинизма, отдельных эпох римской империи и т. п.

С другой стороны, необходимы краткие обзоры, которые излагали бы ход событий, давали бы их освещение, позволяли бы проследить основные линии исторического развития, помогали бы усвоить более обширные труды. Рецензируемая работа и является пособием именно такого рода. Вышедшие в этом году «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева не являются учебником. Написанные живо и с использованием разнообразного материала «Очерки», если не говорить о других их особенностях, слишком обширны и для студентов I курса в полном объеме трудны. Сжатый обзор римской истории, какой дан в работе Н. А. Машкина, не заменяя собой более полных пособий, должен помочь понять главное в развитии римского общества, уточнить отдельные моменты этого развития.

В небольшой книге объемом в 7 печ. листов дан обзор всей римской истории от основания Рима до падения Римской империи включительно. Понятно, что автору приходилось быть очень скупым в своем изложении и жертвовать многими подробностями. Работа представляет собой краткий очерк социально-экономической и политической истории древнего Рима и, несомненно, удовлетворяет тем требованиям, которые должны быть предъявлены к такому очерку. Автор владеет знанием первоисточников, хорошо знаком с литературой предмета и дает в своей работе вполне доброкачественный в научном отношении материал. Особенно удачным является изложение истории императорской эпохи. В работе мы находим яркие характеристики